

Н. Б. Мечковская (Минск)

**НАРОДНОЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ О ЯЗЫКЕ:
ВЗАИМНЫЕ ЗАВИСИМОСТИ И КОЛЛИЗИИ В ИСТОРИИ
МЕТАЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ**

1. Профессиональное знание о языке представляет собой развитие «народной лингвистики» (термин Г. Хенигсвальда, см. Henigswald, 1966) – того знания, которое содержится, во-первых, в самом языке (в некоторых его значениях) и, во-вторых, за пределами языка (в обыденном сознании, т. е. в наивной картине мира). Эвристическая ценность народной лингвистики состоит в том, что это базовое знание о языке и речи в последующей истории, благодаря своим естественным образам (напр., речь уподобляется или ткани, плетению, вязанию; водному потоку; или постройке, ходьбе, мельнице, родам и проч.) во многом определило содержательные направления лингвистического профессионального знания.

2. В постиндустриальную и информационную эпоху народная и профессиональная лингвистика развиваются навстречу друг другу, т. е. сближаются. 1) Метаязыковая рефлексия говорящих интенсифицируется; в результате многое из того, что раньше было профессиональным знанием, стало тем знанием, которое «само собой разумеется», т. е. переместилось в область обыденного сознания. 2) В сфере профессиональной лингвистики сокращаются области такого знания, которое было бы недоступно для неспециалистов.

3. В постиндустриальном и информационном мире интенсивность непрофессиональной метаязыковой рефлексии пропорциональна расширению всех видов коммуникации, включая языковое общение. Некоторые виды метаязыковой рефлексии, которые в фольклоре XIX в. были редкостью, – например, иронические абсурдистские пословицы (вроде *Хорошо на печи пахать, да заворачивать круто*); иронические поговорки о мнимых различиях полных синонимов (*Кабы не плешь, так бы и не голо*) или о несовместимости антонимов (*Коли б жил покойничек, так бы и не помер*); пародийные обмолвки (*Ехала деревня мимо мужика*), – в XX в. стали явлениями массовыми. Распространились комические переделки и контаминации паремий и фразем (*Неча на зеркало пенять, коли семь пядей во лбу*); смеховое воспроизведение расхожих клише (иногда с той или иной деформацией) – из хрестоматийных литера-

турных произведений, популярных песен и кинофильмов, лозунгов, слоганов и др.

4. Компьютеры и интернет сделали массовыми такие формы метаязыковой рефлексии, как языковые игры, в особенности всевозможные комические переделки английских заимствованных терминов); распространилась интернетная мода на игровую фонетизацию письма (так называемое «олбанское письмо»: *жжжжж как агнимьот; кросавчег*, белорус. *ня тякава*; с использованием знаков разных алфавитов (*Тсой жыфф!*; *Вуе-юшки!*) и разных семиотик (*англ.* 4you 'для тебя', рус. А5 'опять').

5. В новейшей истории лингвистики имеется ряд факторов, ведущих к ее депрофессионализации: 1) лингвистика в основном решила задачи синхронного описания языков; возможности получения нового знания и его общественной востребованности сужаются; 2) вследствие ускорения истории, интерес к историческому знанию в обществе падает; это уменьшает значимость диахронического языкознания (т. е. наиболее глубокого и объяснительного лингвистического знания); 3) в типологии языков и лингвистике универсалий трудности в приращении нового знания имеют организационный характер; 4) влияние популярных научных и философских идей наполняет лингвистику, в первую очередь теоретическую, заимствованными метафорами, превращая ее в дискуссионный клуб для гуманитариев; 5) границы лингвистики размыты; профессиональная лингвистика выходит за собственные пределы (т. е. за пределы феноменов языка и речи) и подключается к исследованиям в смежных дисциплинах (психология, культурология, нейролингвистика, инженерно-компьютерные разработки по искусственному интеллекту и представлению знаний, теория коммуникации) или практической работой (в журналистике, газетно-журнальной критике, лингво-юридической экспертизе, практической психологии, в том числе НЛП с его фантомными результатами; рекламно-маркетинговой деятельности).

6. В лингвистике сокращаются объемы некоторого специального знания. Во-первых, сокращается относительный вес наиболее специального знания (такого, как диахронические знания, прежде всего из области компаративистики; как исследования методологии языкознания в терминах символической логики). Во-вторых, идет процесс деспециализации лингвистического знания. Многие десят-

ки терминов античных риторических и стилистических терминов, которые из века в век передавали средневековые коллегииумы и университеты, оказались «узуально мертвыми» [3, с. 33] – такие, как *анакоинозис*, *антенантиозис*, *антикатегория*, *антитетическая анноминация*, *аподиоксис*, *диегезис*, *дикашология*, *диссимилитудо*, *диэккод*, *комма*, *оризм* и проч. Некоторые из приведенных терминов еще есть в «Кратком руководстве к красноречию» Ломоносова (1748), причем не в греческой или латинской форме, но в виде калек, т. е. в «одомашненном» облике: термину *оризм* (греч. *ὀρισμός* ‘ограничение’; лат. *definitio* ‘определение’) у Ломоносова соответствует *определение риторическое*; термин *анакоинозис* (греч. *ἀνακοίνωσις* ‘сообщение, вопрошение, спрашивание совета’; лат. *communicatio* ‘сообщение’) у Ломоносова предстает как *сообщение* [2, с. 273]. В старинных риториках термин *анакоинозис* обозначал «вопрос, предлагаемый слушателям как будто с целью совместного обсуждения темы, за которым на самом деле кроется готовое мнение и желание убедить слушателя в его истинности» [1, с. 24]. Однако в современных исследованиях по поэтике термины *анакоинозис* или *риторическое определение* не используются; их нет в современных филологических энциклопедиях и терминологических словарях на русском языке, даже и в таком небывало полном словаре тропов и фигур, как справочник В. П. Москвина (2006), составленный с привлечением зарубежных изданий, в том числе интернетных ресурсов. Впрочем, приведенные термины имеются в справочнике М. А. Горте (2007), составленном на основе греческих и латинских риторик, включая послеантичные, однако этот словарь будет востребован скорее историками традиции, чем практиками стилистико-риторического анализа. Дело не в сложности или тонкости понятий, стоящих за подобными терминами; наоборот, в их абсолютной естественности и элементарности. Знание не ушло из сознания говорящих; напротив, оно настолько вошло в плоть и кровь школы, в самую структуру учебных текстов, с их четким разграничением способов подачи определений, характеристик, сведений об исторических фактах, выразительных цитат и т. д., что стало «само собой разумеется». Но для того, чтобы знание начало «само собой разумеется», нужно было веками учить различать определения логические и определения риторические или повторять, что вопросы иногда ставятся не для побуждения к ответу, а для совместного об-

суждения темы. Риторическое знание стало ощущаться как элементарное, т. е. происходит деспециализация знания.

7. Таким образом, современная лингвистика становится частью междисциплинарного психолого-семиотического знания о коммуникации. Лингвистика легко выходит за пределы языка и речи; легко принимает в себя идеи и понятия разных наук. Идет процесс растворения профессиональных филологических знаний в общей умственной культуре народа.

1. *Горте, М. А.* Фигуры речи: терминологический словарь / М. А. Горте. – М.

2. *Ломоносов, М. В.* Краткое руководство к красноречию [1748] // М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч. – М.-Л., 1952. – Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. – С. 89–378.

3. *Москвин, В. П.* Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь / В. П. Москвин. – 2-е изд. – М., 2006.

4. *Hoenigswald, H. M.* A proposal for the study of folk linguistics / H. M. Hoenigswald // Sociolinguistics: Proc. of the UCLA socioling. conference 1964. – The Hague; Paris, 1966. – 2-е изд. – P. 16–20.